

Способностей ноль, а язык при этом на редкость подвешенный. — Сюй Сюаньмин ритмично постукивал пальцами по столу. — Советую хорошенько подумать: этот проект от разработки до практического воплощения курировался реставрационной мастерской от и до. Если выполнить его действительно не удастся, вся вина ляжет исключительно на тебя. Тогда, не говоря уже о профессоре Юй, даже профессор Мо не сможет тебя спасти.

Этот проект был поручен лаборатории профессора Мо «сверху». Если не справиться с ним, Яньский университет понесет неисчислимые репутационные потери, не говоря уже о том, что на самые разные проекты могут наложить запрет.

Этот Жэнь Цзысянь — протекционный элемент, которого Корпорация Линь протащила по знакомству, и его отчисление никак не отразится на Яньском университете.

Если ее отчислят за невыполнение работы, за которую она взялась сама, даже Корпорация Линь не сможет ничего возразить.

Поразмыслив над всем этим, Сюй Сюаньмин пришел к выводу, что Жэнь Цзысянь — идеальный кандидат для продолжения работы над проектом, именно поэтому он и назначил ей встречу.

Сначала он думал, что придется потратить немало сил, но никак не ожидал, что Жэнь Цзысянь согласится так легко, что значительно сэкономило время.

— Я постараюсь, — Жэнь Цзысянь взяла сумочку и вышла под дождь.

На следующий день, еще до того, как Жэнь Цзысянь добралась до больницы, ей позвонила Цинь Ии.

— Жэнь Цзысянь, — голос Цинь Ии звучал крайне встревоженно. — Я же говорила тебе не браться за лакированный гроб! Почему ты все-таки согласилась?

Сюй Сюаньмин не собирался давать Жэнь Цзысянь шанс передумать и, воспользовавшись тем, что профессор Мо все еще находился в больнице, сразу же подал ее имя на утверждение.

Заведующий Чжао Мяо тоже ничего не возразил: для них было важно лишь то, чтобы работу выполнял кто-нибудь из студентов профессора Мо, неважно кто именно.

В тот же вечер пост о том, что Жэнь Цзысянь берется за проект лакированного гроба, стремительно взлетел на вершину университетского форума.

[Первокурсница магистратуры лаборатории Мо Вэнь Жэнь Цзысянь в одиночку берется за проект лакированного гроба!]

В посте четко и лаконично сообщалось, кому в итоге достался проект. При этом абсолютно все знали, что накануне профессора Мо довели до больницы.

Его аспирант взял проект лакированного гроба в тот же вечер — как ни крути, здесь никак не могло быть указаний самого профессора Мо.

Любой здравомыслящий человек посчитал бы, что поручать проект с лакированным гробом научно-исследовательской лаборатории каллиграфии и живописи — это полнейший непрофессионализм, а самоуверенность Жэнь Цзысянь и вовсе вызвала у остальных лишь презрительные усмешки.

[О боже, первокурсница магистратуры? Как она только посмела?!]

[Прекрасно, просто великолепно! Воспользовались тем, что профессора Мо нет, и решили устроить подлянку, да?]

[Когда это наше отделение реставрации подводило фабрику по реставрации культурных реликвий? Все срочные задания всегда выполнялись в первую очередь — быстро и качественно, и мы никогда не жаловались, даже когда было тяжело. А сейчас они решили проигнорировать группу по обработке деревянных изделий Фэнцзина и намеренно чинят препятствия нашему профессору?]

[Только вчера отправили профессора в больницу, а сегодня уже нож в спину?]

[Эта Жэнь Цзысянь совсем спятила в своем стремлении выбиться в люди? Она смеется над проектом, от которого отказался сам профессор Мо, и берется за него? Даже если проект удастся завершить в одиночку, это все равно покроет профессора позором!]

[Надеюсь, с профессором все в порядке.]

[Интересно, как сильно разозлится профессор, когда узнает, что эта студентка самовольно приняла решение?]

Пост был немедленно закреплен администратором под ником Сюй Сюаньмин.

Пока скандал набирал обороты в сети, саму виновницу торжества, Жэнь Цзысянь, вызвали в учебный отдел.

Заведующий Чжао Мяо сидел за письменным столом спиной к свету. Спустив очки на кончик носа, он окинул Жэнь Цзысянь оценивающим взглядом:

— Ты и есть Жэнь Цзысянь? Профессор Сюй Сюаньмин говорит, что ты собираешься в

одиночку вести проект лакированного гроба?

Тон Чжао Мяо был мягким. Бросив мимолетный взгляд на стоявшего рядом Сюй Сюаньмина, он продолжил примирительным тоном:

— Я понимаю: молодежь импульсивна, хочется проявить себя и добиться результатов, но этот проект — не школьное домашнее задание. К чему устраивать показуху и выносить все на суд общественности? В конце концов, позор ляжет на весь наш Яньский университет.

Чжао Мяо искренне хотел прикрыть Сюй Сюаньмина: для преподавателя профессорского уровня открытая конфронтация со студентом — дело малоприятное.

Жэнь Цзысянь молчала. Заметит это или нет, но Чжао Мяо сделал глоток горячего чая:

— Послушай, давай сделаем так. Университет ни за что не доверит столь важный проект первокурснице магистратуры. Раз уж профессор Мо сейчас на больничном, поработай над этим проектом под руководством профессора Сюя. Не стоит молодым быть настолько заносчивыми.

Чжао Мяо ни в грош не ставил эту студентку. Он знал о Жэнь Цзысянь всё: раньше она училась на бакалавриате Фэнцзинского университета по специальности микробиология, а в реставрацию перешла из смежной дисциплины. Ее резюме было чистым и безупречным, без единого темного пятна.

Более того, уже на третьем курсе она закрыла все кредиты, а после учебы у профессора Юй Синьи получила ее личную рекомендацию.

Ему часто доводилось видеть таких выскочек, решивших пойти окольными путями ради быстрого успеха. Но на сей раз заказчиком выступала реставрационная мастерская, и в случае провального результата пострадает репутация не отдельного студента или лаборатории.

— Не нужно, спасибо, преподаватель. Я хочу завершить этот проект лакированного гроба самостоятельно.

Чжао Мяо замер. Сюй Сюаньмин понимающе усмехнулся, словно заранее знал, каков будет ответ.

— Не будь такой упрямой, молодежь, — с неодобрением произнес Чжао Мяо. — Университет желает тебе добра. Работа с опытным наставником многому тебя научит. А после... иди и как следует извинись перед профессором Сюем...

Жэнь Цзысянь бросила взгляд на Сюй Сюаньмина, который с предвкушением наблюдал за происходящим, а затем повернулась к Чжао Мяо:

— Спасибо, преподаватель. Я не могу из-за этого тянуть за собой остальных, к тому же, раз уж взялась за проект в одиночку, перекладывать ответственность на преподавателя было бы просто нечестно.

Видя, что уговорить ее не удастся, Чжао Мяо махнул рукой, отпуская Жэнь Цзысянь.

— Я же говорил, с такими студентами легко справиться, — Сюй Сюаньмин отодвинул стул и сел напротив Чжао Мяо. — Подобные блатные девицы уверены, что их покровители способны решить любую проблему. Достаточно лишь немного подтолкнуть — и они тут же бросаются в омут с головой.

У молодых студентов хватает лишь юношеского упрямства и гордыни. Изначально они с Сюй Сюаньмином рассчитывали возложить всю ответственность именно на Жэнь Цзысянь, и теперь она сама послушно отказалась от помощи.

— Но мы не можем просто так взять и бросить студента разбираться с проектом реставрационной мастерской, — возразил Чжао Мяо. — Тебе все равно придется возглавить эту работу, хотя бы для вида. Мы должны продемонстрировать, что официально выделили для проекта профессора, просто Жэнь Цзысянь отвергла нашу помощь.

Сюй Сюаньмин пожал плечами. Студентка Жэнь Цзысянь была весьма необычной: она попала в реставрацию не с профильного бакалавриата, за ее спиной не стояло какой-либо известной школы, была лишь рекомендация профессора Юй Синьи, однако в итоге она поступила именно к профессору Мо.

С момента открытия отделения реставрации профессора Мо Вэнь и Юй Синьи находились в состоянии перманентного противостояния.

Хотя специальность реставратора считалась новой, в ней по-прежнему использовались старинные ремесла. Чтобы не навредить артефактам, новые химикаты и технологии невозможно было применять напрямую на оригиналах, поэтому в большинстве случаев реставрация велась консервативными методами.

Лучше довериться скромному мастеру, чем подвергать древность риску.

В итоге это привело к тому, что новички, жаждущие инноваций, боялись публиковать даже намекающие на новизну работы. Нет результатов — нет спонсирования; нет спонсирования — приходится приписываться к другим профессорам; нет имени — не удастся набрать даже аспирантов; нет аспирантов — не будет и новых достижений.

Сложился настоящий порочный круг, в то время как зарабатывающие профессора дружно следовали за Мо Вэнем и Юй Синьи, совершенно не заботясь об остальных.

Теперь же во всей сфере реставрации блистал лишь один профессор Мо, и все студенты почитали за честь попасть именно в его лабораторию, тогда как остальных преподавателей задвинули на роль запасного варианта.

Неожиданное падение профессора Юй Синь прозвучало подобно грому среди ясного неба, в один миг разрушив многолетний уклад.

Стоит профессору Мо лишиться пьедестала — и остальные преподаватели тут же смогут урвать свой лакомый кусочек.

И нынешний проект с лакированным гробом вполне мог стать тем самым прорывом.

— Посмотри на это с хорошей стороны: Жэнь Цзысянь сейчас принимает удар на себя. Если у нее получится добиться результатов — прекрасно, если нет — ничего страшного, — легко усмехнулся Чжао Мяо. — В конце концов, это не школа забивает студента, а сама студентка отвергла помощь.

Старый особняк семьи Линь.

Из-за слабого здоровья Чжу Цзинлань отопление в доме работало на полную мощность. Линь Кайфэн стянул пальто и увидел, как сквозь поднятый им прохладный сквозняк вглубь дома направляется Линь Цинсун.

— Зачем звал? — Линь Цинсун бесцеремонно опустился на диван. — У меня после обеда еще два совещания, так что лучше говори быстрее.

Линь Кайфэн вызвал Линь Цинсуна в родовое гнездо одним звонком.

И для Линь Цинсуна это стало неожиданностью. В старом особняке теперь жила только Чжу Цзинлань, и чтобы не волновать ее, ни Линь Кайфэн, ни Линь Цинсун сюда почти не заглядывали.

— Что за тон?! — нахмурился Линь Кайфэн. — Смотрю, в последнее время ты немного похудел, хотя цветом лица выровнялся.

Линь Цинсун приподнял бровь, призывая отца к делу.

Линь Кайфэн кашлянул:

— Мы с твоей матерью решили передать бизнес семьи Чжу тебе.

Услышав это, Линь Цинсун в ту же секунду помрачнел:

Проект лакированного гроба (1)

Предки семьи Чжу происходили из числа чиновников-интеллектуалов, однако во время смены династий всему роду пришлось бежать.

Тогда дед Чжу Цзинлань решительно вложил оставшееся имущество в торговое дело.

С тех пор они лавировали между миром купечества и чиновничьей номенклатурой, на фоне войн и смут быстро сколотив огромное состояние.

В то же время они финансировали обучение студентов за рубежом ради спасения родины через просвещение, прославившись как благородные меценаты, а также закупали вооружение для защиты от внешних врагов.

Ходило немало легенд, но самой известной был подвиг семьи Чжу, отдавшей все до последней нитки ради сохранения десятков тысяч культурных реликвий, которые после установления мира были полностью переданы государству.

Если бы не дальновидность деда Чжу Цзинлань, семья Чжу никогда бы не имела такого веса как в политических, так и в деловых кругах.

Впоследствии семья Чжу отклонила благодарность правительства и занялась торговлей антиквариатом, и с тех пор никто не смел недооценивать их влияние.

С другой стороны, Линь Кайфэн в свое время начинал как простой, заурядный парень из низов, но дочь семьи Чжу вопреки всему вышла за него, нищего и безродного. В те годы это вызвало немало споров.

Злые языки судачили лишь о том, что Линь Кайфэн поспешил занять место зятя в богатой семье.

Однако семья Чжу прямо заявила, что не окажет Линь Кайфэну и Чжу Цзинлань никакой поддержки. Тогда Линь Кайфэн в отместку основал Корпорацию Линь и, быстро уловив конъюнктуру рынка, возвел небоскребы своего бизнеса.

К тому моменту, когда все наконец осознали, что Корпорация Линь превратилась в гиганта, шуточки про зятя-примака постепенно сошли на нет.

И тем не менее, те, кто понимал хоть что-то, знали: перед лицом семьи Чжу Корпорация Линь — всего лишь выскочка с тугим кошельком.

Никакие десятилетия существования Корпорации Линь не могли сравниться с накопленным веками культурным багажом и связями клана Чжу.

И когда окружающие уже решили, что у семьи Чжу не осталось наследников, Чжу Цзинлань внезапно перевела младшего сына на факультет охраны и реставрации культурного наследия.

На первый взгляд всё выглядело справедливо: старший сын наследует Корпорацию Линь, а младший — семью Чжу. Но за этим скрывалась лишь очередная форма слепой, удушающей родительской любви.

Линь Кайфэн прекрасно понимал, чем вызвана такая реакция, и тяжело вздохнул:

— Ты — всё, что у нас осталось, Цинсун, будь благоразумнее.

Линь Цинсун с усмешкой выдохнул носом. Снова эта фраза. Линь Цинсун навсегда остался лишь запасным вариантом на замену Линь Сюэди.

— Я для вас просто инструмент, да? — слова вырвались у Линь Цинсуна буквально сквозь зубы, но сам он поднял глаза на стоявшую на втором этаже Чжу Цзинлань, которая с безразличным выражением лица смотрела на него сверху вниз.

Линь Кайфэн бросил взгляд на жену. После смерти Линь Сюэди дела семьи Чжу покатились по наклонной, и он сам давно хотел передать управление Линь Цинсуну.

Но Чжу Цзинлань наотрез отказывалась подписывать бумаги.

В тот самый вечер накануне подписания документов на акции Чжу Цзинлань в исступлении перебила всю стеклянную посуду в доме и смотрела на Линь Цинсуна так, будто перед ней стоял смертный враг:

— Я не позволю кому попало забирать вещи Сюэди!

Для Чжу Цзинлань Линь Цинсун был бездушно задвинут в категорию «чужих людей». Ее любимый сын умер, и все достояние семьи Чжу теперь принадлежало исключительно его памяти, к которой не имел права прикасаться даже Линь Кайфэн — не говоря уже о Линь Цинсуне.

Она судорожно цеплялась за единственную нить, что связывала ее с прошлым, и, пусть уже обессиленная, не желала разжимать пальцы, начисто забыв, что у нее есть еще один сын.

Женщина, которая в свое время способна была единолично удерживать в руках всю империю семьи Чжу, сейчас с абсолютно бесстрастным лицом смотрела на своего второго сына,

стоявшего внизу.

— Подпишешь сегодня вечером, — в голосе Чжу Цзинлань звучало не допускающее возражений требование.

Взгляд Линь Цинсуна слегка потемнел:

— Ты действительно хочешь оставить мне дела семьи Чжу, или просто нынешнему клану Чжу позарез нужен безжалостный лидер, способный восстановить утраченные связи наверху?

Тут изменились в лице не только Линь Кайфэн, но и сама Чжу Цзинлань.

Линь Цинсун никогда прежде не соприкасался с делами семьи Чжу, но сумел безошибочно унюхать кризис, в котором те оказались.

Семья Чжу стояла на ногах не только благодаря первоначальному пожертвованию всех семейных сокровищ государству, но и за счет раскинувшейся по всей стране сети культурных предприятий.

Помимо переданных некогда реликвий, богатства, накопленные родом за поколения, составляли астрономическую сумму, и особую ценность среди них представляли артефакты, собранные главами клана в прошлые эпохи.

И хотя после войн и потрясений многое было роздано, прочный фундамент остался.

Именно благодаря этому они быстро монополизировали всю сферу антиквариата, однако смерть Линь Сюэди на время погрузила бизнес семьи в хаос.

Вот почему клан Чжу отчаянно нуждался в новом лидере, способном удержать позиции.

— Ты — старший брат Сюэди, — бросила Чжу Цзинлань легким, ничего не значащим тоном.

— Брат Сюэди... — Линь Цинсун усмехнулся. — Значит, другой роли у меня нет?

Чжу Цзинлань замерла — очевидно, она никак не ожидала подобного ответа.

Заметив ее замешательство, Линь Цинсун с горькой иронией улыбнулся и чуть ослабил узел галстука, позволяя себе сделать глубокий вдох.

После гибели Линь Сюэди Линь Цинсун словно испарился из поля зрения Чжу Цзинлань. Он больше не был для нее просто сыном по имени «Линь Цинсун».

Он превратился в функцию, в табличку с надписью «старший брат Линь Сюэди».

Даже сейчас заставить его принять дела семьи Чжу решили не потому, что он был ее сыном, а лишь потому, что Сюэди мертв, а он — брат Линь Сюэди.

Гибель Линь Сюэди сорвала всю ту мнимую видимость благополучия, которую Линь Цинсун так старательно выстраивал. Он наконец разглядел сквозь трещины бесконечную, безраздельную любовь Линь Кайфэна и Чжу Цзинлань к младшему сыну.

И смирился с тем, что даже смерть Линь Сюэди не изменит главного: в глазах родителей он всегда будет проигрывать младшему брату.

Когда-то Линь Цинсун пытался помириться с ними, но теперь ему этого больше не хотелось.

— Я приму дела, — Линь Цинсун прекрасно понимал, что сейчас принятие наследства семьи Чжу принесет ему лишь выгоду и никаких убытков.

Чжу Цзинлань подготовила всё основательно, это не было сиюминутным импульсом, брошенным на произвол судьбы.

Линь Цинсун подписывал документ за документом: соглашения об уступке долей, договоры дарения имущества.

Передача антиквариата шла по отработанной процедуре. Линь Цинсун наблюдал, как антикварный брокер один за другим демонстрирует предметы из каталога семьи Чжу — от императорского фарфора эпохи Мин до кружевных браслетов времен Китайской Республики, чего там только не было.

Для любого другого это выглядело бы как свалившееся с неба несметное богатство, но на лице Линь Цинсуна не отразилось ни тени радости: всё это изначально предназначалось Чжу Цзинлань для Линь Сюэди.

Лишь увидев все своими глазами, можно было в полной мере осознать колоссальные масштабы наследства семьи Чжу.

Брокер, заметив странное выражение лица Линь Цинсуна, не осмелился задавать лишних вопросов и поспешно достал из сейфа деревянную шкатулку:

— Это гарнитур с редчайшим нефритом, принадлежавший вашей матери. Его общая стоимость превышает сто миллионов: ожерелье, браслет и серьги. Чистейшая текстура без малейших примесей, лustrous блеск, равномерный цвет...

Линь Цинсун протянул руку и взял браслет. Эта вещица была семейной драгоценностью семьи Чжу, и пока был жив Линь Сюэди, Линь Цинсуну не разрешалось даже приближаться к нему, а теперь вот — пожалуйста, перешло в его собственность.

Он холодно усмехнулся и без колебаний бросил нефритовый браслет прямо в руки опешившему брокеру.

Тот испуганно побледнел и судорожно попытался поймать украшение.

— Собери всё и передай остальное помощнику Вану.

Не успела Жэнь Цзысянь закончить работу, как ей позвонил Линь Цинсун.

— Ты в университете? Я за тобой заеду.

Рука Жэнь Цзысянь, наносившая лак на имитацию старинной лаковой картины, замерла. В тоне Линь Цинсуна не чувствовалось каких-то резких перепадов, но ее чуткое чутье уловило неладное.

— Что-то случилось? — стоило этому сорваться с языка, как удивилась не только она сама, но и, кажется, сам Линь Цинсун.

У них с Линь Цинсуном не были те отношения, когда можно было без церемоний вторгаться в чужие личные дела.

Линь Цинсун неожиданно легко улыбнулся в трубку:

— Моя прилежная студентка Жэнь Цзысянь, выходи, я жду тебя у ворот университета.

Он смутно догадывался, что Жэнь Цзысянь в принципе не любила тесного общения, и по сравнению с другими его любовницами в ней отсутствовала эта назойливая цепкость.

Если бы не инициатива с его стороны, она, скорее всего, никогда бы не позвонила и не написала первой.

За всё время было лишь два исключения: первое — намеренное соблазнение при их первой встрече, и второе — та случайная встреча в кафе.

Послушная, кроткая, душой и телом принадлежащая только ему — Линь Цинсун испытывал к ней почти нежное умиление.

В городе Янь уже всю хозяйничала суровая зима, и улицы казались вымороженными и посыпанными солью.

Жэнь Цзысянь вышла быстро. Линь Цинсун, до этого растрепанный неприятными семейными заботами, в мгновение ока почувствовал, как напряжение внутри него немного отпускает при одном ее виде.

Она села в машину, окутанная морозным воздухом, с руками глубоко в карманах, и знаком велела Линь Цинсуну протянуть ладонь.

В его руку тут же перекинула горсть теплых жареных каштанов. Жэнь Цзысянь пристегнула ремень безопасности:

— Проходила мимо столовой, тетушка-раздатчица угостила, они еще горячие.

Тяжелые каштаны приятно жгли ладонь, и только на контрасте с этим теплом Линь Цинсун осознал, до чего же у него замерзли руки.

Снаружи бушевал свирепый зимний ветер, а в салоне машины он держал в ладони каштаны, принадлежащие только ему.

Жэнь Цзысянь не знала, что стряслось с Линь Цинсуном, но не стала допытываться напрямую. Вместо этого она, чуть слышно и слегка ворчливо, принялась рассказывать ему о событиях сегодняшнего дня в университете — в том числе и о том, как взяла на себя проект лакированного гроба.

У Жэнь Цзысянь был красивый голос — мягкий, звонкий, с легкой ноткой в носу. Слово за словом она четко и понятно изложила всю историю с травлей и давлением.

Линь Цинсун слушал ее и одновременно чистил каштаны.

— И в конце концов я прямо заявила им, что колледжу не нужно в это вмешиваться, я сама во всем разберусь, — закончив рассказ, Жэнь Цзысянь повернулась к нему, словно ища одобрения.

Отражение уличных огней мерцало в ее глазах, полных упрямства, и в этот момент она была донельзя похожа на живого ребенка, ждущего похвалы.

Линь Цинсун легко улыбнулся и поднес к ее губам целый, очищенный каштан:

— Умница. Ты всё сделала правильно. Просто делай то, что считаешь нужным, занимайся всем, чем хочешь.

Жэнь Цзысянь сердито прикусила его палец:

— Откупаешься.

Во рту у нее был каштан, поэтому речь звучала немного невнятно.

Линь Цинсун оторвал салфетку, чтобы вытереть крошки с пальцев:

— Я серьезно. Ты молода, горяча, решила ввязаться в столь масштабный проект, куда тебе по статусу лезть не положено, ради своего преподавателя — я считаю, это здорово, восхищаюсь твоей смелостью.

Жэнь Цзысянь моргнула, ожидая продолжения:

— Но ты подумала о том, почему твой научный руководитель сам за это не взялся? Неужели дело только в технических сложностях? Причины я могу додумать и сам: для твоего профессора это в худшем случае пустая трата сил, но для тебя всё иначе.

Жэнь Цзысянь прекрасно понимала, к чему клонит Линь Цинсун.

Профессор Мо отказался по большей части потому, что проект был заведомо неблагодарным — даже в случае успеха это просто затормозило бы работу лаборатории.

Но с Жэнь Цзысянь дело обстояло иначе. Если она высунется вперед и возьмет на себя ответственность, то в случае провала последствия не ограничатся одним лишь ударом по репутации.

Куда вероятнее, что ей грозило дисциплинарное взыскание вплоть до отчисления.

— Впрочем, есть способ выпутаться прямо сейчас, — Линь Цинсун аккуратно завернул шелуху от каштанов в бумажный пакет.

Равноправные партнерские отношения...

— Я не хочу, чтобы ты во все вмешивался ради меня, — серьезно произнесла Жэнь Цзысянь.

<http://bllate.org/book/22422/2354198>